

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ц. Агаян

„Крестьянское движение в Армении в XIX веке“¹

Изданный Институтом истории Академии наук Армянской ССР сборник архивных документов по истории крестьянского движения в Армении в XIX веке является несомненно ценным источником по изучению истории крестьянства в Армении. Составитель сборника профессор В. Рштуни является одним из лучших знатоков этого вопроса, которым он занимается в течение многих лет.

Рецензируемый сборник архивных документов состоит из двух разделов: первый раздел охватывает документы с 1837 по 1869 гг., т. е. до крестьянской реформы в Армении 14 мая 1870 г., второй раздел — с 1870 по 1900 гг.

Непонятно, однако, почему первую часть сборника автор начинает именно с 1837 г. Известно, что с 1837 г., когда кончился период частичных льгот для армянских крестьян, переселившихся из Персии после присоединения Восточной Армении к России, они были обложены податью, и борьба крестьянства приняла более острый характер, но это отнюдь не означает, что до этого времени среди местных крестьян не было серьезного недовольства и не существовало классовой борьбы в Армении. Выступления крестьян против своих классовых врагов с 1837 года лишь более усиливаются. Следовательно, картина крестьянского движения была бы более полной, если бы автор привел документы, касающиеся характеристики предыдущих годов, тем более, что для правильного понимания судеб армянского народа особенно важно показать положение крестьянских масс, находившихся под гнетом турецких и персидских поработителей. Историю армянского народа в XIX в. невозможно правильно осветить и понять, если не отметить этот момент. Составители сборника не должны были упускать из виду очень важный период истории крестьянства Армении, а именно период с начала XIX в. до 1837 г., тем более, что сборник озаглавлен „Крестьянское движение в Армении в XIX веке“. Это обстоятельство можно поставить им в упрек.

Опубликованные в сборнике архивные документы ярко отображают положение трудящихся масс Армении, томившихся под двойным, национальным и социальным, гнетом царских чиновников и местных феодалов. Крестьяне восставали против непосильного налогового гнета и тяжелых феодальных повинностей. В одном из документов 1837 г. сообщается, что крестьяне Гокчинского магала твердо решили „не повиноваться окружному нач-ку и не платить подать, пока она не будет уменьшена“ (стр. 23). Начальник Армянской области ген. Бебутов в своем донесении от 19 февраля 1838 г. главноуправляющему Грузией барону Розену сообщает: „наставления мои и увещевания относительно безусловного повиновения законной власти не только не имели на них никакого влияния, но, напротив, смелые их выражения показывали готовность их к дерзостям...“ (стр. 25—26). Попытка ген. Бебутова подействовать на крестьян через меликов и сельских кулаков не достигла цели.

¹ Материалы по истории армянского народа. Книга первая, „Крестьянское движение в Армении в XIX веке“, составил профессор В. Рштуни при участии К. Степаняна, под редакцией А. Р. Иоаннисяна, изд. АН Арм. ССР.

Характерно, что армянская крестьянская беднота в своей борьбе против угнетателей выступает совместно с азербайджанским крестьянством. Ген. Бебутов отмечает, что недовольные крестьяне „старались подобное неповиновение распространить и между прочими жителями, даже осмеливаются предлагать мусульманам... пристать к ним и не платить податей..." (стр. 26). Это, конечно, дало свои плодотворные результаты. Совместное выступление крестьян сообщало движению большую стойкость и силу.

Ген. Бебутов пишет, что крестьяне „совершенно вышли из повиновения, увлекаясь упорным буйством, они не внимают благоразумию и никакие требования правительства ими не исполняются; приказы, посылаемые к ним от окружного нач-ка, разрываются и посланные выгоняются побоями..." (стр. 27). Волнения гокчинских крестьян перекинулись в Эривань и другие части Армянской области.

Ген. Бебутов предлагает „подвергнуть их (крестьян—Ц. А.) строжайшему наказанию силою оружия... Силою оружия должно взыскать положенные на них подати, другого средства не предвидится..." (стр. 27). Таким образом, царский сатрап мог только предложить уже испытанный метод царских чиновников, принудить недовольные массы „к повиновению законной власти силою оружия" (стр. 27).

Главноуправляющий барон Розен в своем рапорте военному министру Чернышеву также требовал применения вооруженной силы. Поработители народных масс прибегли к крутым мерам для подавления выступления крестьян. Срочным порядком были посланы „в распоряжение ген.-майора Бебутова две роты Мингрельского егерского полка и два горных орудия, разрешив сему генералу собрать, если нужно, и конную милицию" (стр. 32).

Из секретного отношения Чернышева командиру отдельного кавказского корпуса видно, что император Николай I приказал: „...возникшее между баязетскими переселенцами неповиновение должно быть прекращено без послабления и всякой уступчивости..." (стр. 32).

Для подавления крестьян в Гокча был отправлен Донской казачий одиннадцатый полк и две роты егерей под командой подполковника Проныкова, который, „арестовав главных зачинщиков неплатежа податей и неповиновения начальству, отправил их в Эривань..." (стр. 33), а затем, натолкнувшись на упорное сопротивление народных масс, „решился употребить строгость и наказал из них при бывшем собрании народа 6 человек более дерзких розгами" (стр. 34). Арестованные руководители крестьян по распоряжению главноуправляющего были преданы военному суду.

Так царские палачи силой оружия подавляли выступление крестьян Гокчи, боровшихся за хлеб, за землю и свободу.

Ряд документов показывает, как царские чиновники жаловали отдельных феодалов, агаларов, меликов и беков поместьями и деревнями и тем самым укрепляли позиции местных угнетателей. Так, например, Вали-ага Казахскому, его сыну и племяннику было „...дозволено собрать в одно место всех кочевых татар, называемых казахами, и управлять ими на том основании, как и при сардаре, на основании чего и поныне они управляют жителями деревень..." (стр. 40).

Феодальные повинности, выполняемые крестьянами, были очень разнообразными. Крестьяне ежегодно давали владельцу „потребное число чернорабочих людей для произведения посевов, уборки и обмолачивания оных" (стр. 41). Крестьяне по требованию феодалов-агаларов, беков, меликов выполняли многочисленные повинности. Так, например, „общество каждой деревни обязано было своему агалару с изступлением весны распахать ему землю, сеять разные семена, потом убирать, обмолачивать, косить сено, возить с поля и в случае надобности давать выучный скот, под связ домашних тяжестей при выезде его на кочевку и обратно" (стр. 41—42).

Феодально-крепостнические отношения еще больше укрепились в период наместничества кн. Воронцова. Подготовленный кн. Воронцовым рескрипт 6 декабря 1846 г. и последовавшие затем „поселянские положения" 1847 г. („агалар-

ские" и „бекские") фактически законодательным путем оформили права и привилегии „высшего сословия". Именно поэтому кн. Воронцов приказывает, чтобы владельческие крестьяне „беспрекословно отбывали... повинность на прежнем основании..." (док. 14). Однако даже после таких „приказов", как об этом доносит эриванский уездный начальник, крестьяне Гокчинского участка решительно отказались от отбывания агаларских повинностей, и 15 человек из них отправились в Тифлис подать жалобу князю-наместнику (док. № 15).

С усилением феодального нажима возрастает и сопротивление народа. Крестьяне села Эйлар, Новобаязетского уезда, в своей жалобе от 26 февраля 1858 г. указывают на чрезмерно тяжкие феодальные и государственные повинности и налоги. Такая повинность „нас стеснила безмерно,—пишут крестьяне,—и мы год от году приходим к совершенному разорению, через что самое вовлекли нас в совершенную бедность к дальнейшему существованию с семействами и изнурили рабочий скот, через частовременное требование от нас подвод..." (стр. 81).

Приведенные в сборнике документы показывают, как царское правительство зорко охраняло права и преимущества господствующего феодального класса. Так, например, новобаязетский уездный начальник кн. Абамеликов, „обследовав" жалобу эйларских крестьян, всячески выгораживал безжалостную эксплуатацию крестьян и бесчинства помещика Мелик-Агамалова и доносил в Эриванское губернское правление, что Агамалов берет с крестьян только „то, что следует ему по праву тиулиста" и что, якобы, „эйларцы, убедясь в несправедливой подаче ими ревизировавшему Эрив. губернию г. Коцебу прошения, просили оставить оное без последствий" (док. № 31). Явная ложь этого сообщения явствует из того же рапорта кн. Абамеликова, где он сообщает, что он „внушил тиулисту Агамалову, чтобы он на будущее время воздержался от угнетения поселян того селения" (док. № 31). Это показывает, что уездный начальник силой принудил крестьян отказаться от своей жалобы, но в то же время вынужден был предупредить помещика Агамалова, учитывая, что чрезмерное угнетение крестьян могло вызвать их всеобщее выступление.

Крестьяне села Эйлар получили строгое предупреждение эриванского губернатора, „чтобы на будущее время они не осмеливались утруждать начальство своими неосновательными жалобами, под опасением строгой законной ответственности" (стр. 84). Далее губернатор приказал взыскать с крестьян расходы, связанные с разбором их жалобы.

Однако царские чиновники не могли приостановить все растущую борьбу крестьян против поработителей. Эйларцы и в дальнейшем не прекращали свою борьбу.

Эриванский военный губернатор ген.-майор Астафьев 22 апреля 1867 г. прямо заявляет, что „жалобы поселян не могут вообще почитаться основательными на какой-либо произвол владельцев" (док. № 33). Но в то же время он отмечает, что „Поселяне постоянно, впрочем, жалуются на мульткадаров, желая по видимому избавиться от них" (там же). Это, конечно, говорит о все усиливающейся классовой борьбе накануне крестьянской реформы в Армении.

С проникновением капиталистических отношений в деревню и с усилением классовой дифференциации постепенно выделяются зажиточные элементы, которые, пользуясь поддержкой царских чиновников, захватывают государственные земли общего пользования и начинают эксплуатировать крестьян. Из жалобы крестьян дер. Беджигазлу, Зангибасарского участка, от 10 марта 1858 г. видно, что Саадам Тер-Сааковым было захвачено 6 халваров земли и этой землей пользовались его сыновья Саак и коллежский регистратор Казар Тер-Сааковы.

Крестьяне дер. Бих, Ордубадского уезда, в своей жалобе наместнику от 20 июня 1866 г. указывают, что Мирза Андриас, „обманывая жителей, посредством разных хитростей, завладел их имением. Он, Мирза Андриас, есть сын жителя с. Арчадзор Согомона и внук Степана. Лица эти всегда были бедны и находились в числе людей податного состояния" (стр. 157).

Крестьяне дер. Мгуб, Новобаязетского уезда, жалуются на то, что мульткадар Оганес Мнансаров „отдал свое имение, т. е. селение наше, в откупное содержание эриванскому жителю Гевонду Казарову сроком на десять лет...“ (док. № 39).

„Откупщик,—писали крестьяне,—в крайней степени стесняет нас...“. Они требовали устранить вышеупомянутого откупщика Гевонда Казарова и облегчить казенные и мульткадарские повинности.

Приведенные документы с достаточной ясностью показывают феодально-крепостнический характер отношений, существовавших в Армении. Крестьяне, находившиеся под властью землевладельца, не имели собственной земли, жили на владельческой или казенной земле, несли тяжелые феодальные повинности в пользу государства и феодалов, платили обременительные налоги, не имели права самовольного перехода к другому владельцу или же на казенную землю.

Феодально-крепостнические отношения наиболее ярко вырисовываются в жалобе крестьян дер. Бжни, Гокчинского участка, на мульткадара Арсен Султан Кегамов, написанной 18 марта 1850 года.

Арсен Султан в своей объяснительной записке по поводу жалобы крестьян оправдывается тем, что крестьяне даны ему „в вечное и потомственное тиульство“ (стр. 55). Указывая руководителей крестьянских выступлений дер. Бжни, Кегамов требует наказать Азата Крикорова, Чивчива Манука Арутюнова, Огана Арутюнова, Халила Ахмед оглы и Дали Кярима Айдин оглы, которые „в течение двух лет,—пишет Кегамов,—волнуя жителей моих против меня, вводят меня в убытки, а начальству наносят напрасное беспокойство“ (там же).

Армяне и азербайджанцы выступали против своих ненавистных поработителей совместно, а во главе крестьян стояли Азат Крикоров, Оган Арутюнов и Халил Ахмед оглы. По предложению уездного начальника указанные руководители были выселены во внутренние губернии России. Они томились в тюрьме очень долго. Из них Халил Ахмед оглы „по освобождении из-под ареста от изнурения и заключения на другой же день помер“ (стр. 92). Крестьяне дер. Бжни не прекратили свою борьбу и 3 мая 1858 г. вновь подали жалобу на имя наместника и просили освободить их „от настоящего рабства и совершенного разорения...“ (стр. 93). Из сообщения новобаязетского уездного начальника видно, что крестьяне „всякое наказание готовы перенести, лишь бы не быть подвластными Кегамову“ (док. № 21).

Крестьяне указывают, что Кегамов, ни с чем не считаясь, год от году увеличивает повинности и всякие поборы. В 1858 г. Кегамов кроме обычных поборов и повинностей предъявил новые дополнительные требования. Крестьяне дер. Бжни в следующих словах характеризуют свою тяжелую участь:

1. В апреле месяце, не имея еще хлеба сбора, дали ему (Кегамову) 10 халв. и отвезли его в Дилижан бесплатно.

2. 27-го числа марта отвезли 40 халв. в Эривань.

3. Земля на пространстве 12 халв., собственно принадлежащая Арсен Султану, засевадается нашими семенами, обрабатывается нами, кроме мультка, и в то время, когда мы занимаемся обработыванием полей.

4. Кроме засева тех полей, мы заняты бываем уборкою кутанов хлеба 60 дней для посева под зиму.

5. Обременяемся ежегодно подводами для перевозки имущества Арсен Султана при перевозке (его) из Эривани в с. Бжни, на что употребляется 20 лошадей в течение 3-х суток, со своим хлебом, бесплатно.

6. Для сестры его, отданной в замужество за г. Габаева, кроме мультка отвезено 6 вьюков пшеницы.

7. Еженедельно во время присутственных мест в Дарачичаге посылается в Эривань за фруктами по 4 лошади.

8. Берет постоянно в день арбу из селения для прогулки сына своего в Дарачичаг.

9. Занимает очередными караулами каждые сутки по 6 чел. для охранения его дома.

10. Дров мы обязаны доставить, где бы он ни жил, с деревни по 2 лошадиных вьюка.

11. На днях мы отдали, по требованию, ему масла 4 батм. но он требует настоятельно 40 батм., забыв, что до мульты не миновал срок, и кроме 4-х барашков сверх податей он требует таковых 6, которых не только у нас, но еще вблизи негде было купить; но он неотступно приставал исполнить это требование и жителей, сделавших противное возражение, через то избил сверучно—Мангули Ангурла оглы, Лачина Константова и Касума Мамед Касум оглы и

12. Не позволяет нам праха родственников хоронить на его земле, стесняет наши браки без подарков ему—по полтора пуда сахару с дома* (док. № 42). Выразив свой гневный протест, крестьяне заявляют, что они не в состоянии больше примириться с существующим положением и просят разрешить им переселиться на казенную землю и избавиться „из-под ига Арсен Султана, которого мы более за мультадара признавать вовсе не желаем“ (док. № 42).

Эриванский губернатор поручил вице-губернатору обследовать жалобу крестьян д. Бжни. Вице-губернатор на месте убедился в действительно тяжелом положении крестьян. Но царские чиновники—верные защитники интересов феодально-помещичьего класса—вовсе не были заинтересованы в улучшении положения грядущих крестьян. Вице-губернатор писал эриванскому губернатору о результатах своего дознания:

„Я успокоил их (крестьян—Ц. А.) сколько мог, что начальство обратило внимание на их положение и займется устройством на будущее время их взаимных отношений с владельцами, внушив при том, чтобы они ожидали терпеливо, занимались попрежнему полевыми работами и не утруждали ваше пр-во новыми жалобами“ (док. № 44).

В дальнейшем положение крестьян д. Бжни все более и более ухудшалось.

Борьба бжнинских крестьян очень беспокоила царских колонизаторов, ибо она могла послужить примером для других крестьянских общин.

Начальник главного управления кавказского наместника в своем отношении от 24 августа 1860 г. приказывает эриванскому военному губернатору наказывать непокорных крестьян. Этот приказ был приведен в исполнение 3 октября 1860 г.

Приведенные в сборнике документы показывают обстановку в Армении накануне крестьянской реформы 1861 г. в России, начало общего антикрепостнического движения крестьянских масс не только в русских губерниях, но и в Закавказье.

Тот же Арсен Султан Кегамов в своем прошении от 22 ноября 1858 г. наместнику кавказскому по поводу неповиновения своих крестьян отмечает, что: „... в нынешнем году по распространении известия о благодетельном распоряжении правительства относительно улучшения быта крестьянского сословия в России, люди неблагонамеренные нашли случай разгласить между поселениями Эрив. губернии ложные слухи, будто вместе с этим будут отняты и права здешних потомственных тиулистов и мультадаров на их земли и жителей“ (док. № 45).

Весть о крестьянской реформе 1861 г. в России распространилась по всему краю и вызвала новую волну крестьянского движения не только в Армении, но и в Грузии и Азербайджане.

Помещик Кегамов жалуется, что хотя каждый раз начальство принимает соответствующие меры и принуждает крестьян к покорности, но крестьяне опять „придерживаются обманчивой мысли, будто вовсе уничтожаются права тиулистов и мультадаров края, почему и остаются при том же непоколебимом упрямстве, не оказывают (ему) должных услуг и не охотно занимаются хлебопашеством“ (там же).

После реформы 1870 г. в Армении классовое расслоение в деревне еще более усилилось. Усилилась также борьба трудящихся крестьян против помещиков и царских чиновников.

Приведенные в сборнике документальные материалы показывают как энергично обманутые крестьяне протестовали против царских административных органов, которые, защищая интересы феодально-помещичьего класса со всей жестокостью, заставляли крестьян платить все подати и выполнять повинности (см. стр. 161—163).

Мулькадар дер. Бугамлу, Эриванского уезда, в своей жалобе от 14 апреля 1871 г. на имя мирового посредника сообщает: „бугамлинское общество, несмотря на неоднократные письменные и словесные распоряжения г. эриванского воен. губернатора, не платит мне мулька за прошлый 1870 год...“ (стр. 168). Мировой посредник, разбиравший жалобу, не только не облегчил положение крестьян, но, наоборот, решил взыскать с крестьян подати с штрафов. Долг крестьян он перевел на деньги (600 руб.) и взыскал дополнительно 100 рублей штрафа.

Мулькадар дер. Джанфида, Эчмиадзинского уезда, 19 августа 1872 г. жалуется на то, что крестьяне проявили непокорность и не допускают, чтобы мировой посредник составил уставные грамоты. Он пишет, что крестьяне отказываются платить подати и выполнять повинности, „стали скашивать енджу, не допуская... поверенного к проверке и получению мулька. Собрав, таким образом, самовольно произведения, они забрали все в свои дома“ (стр. 179).

Мировой посредник, чтобы удовлетворить домогания мулькадара, прибег к содействию полиции, которая, однако, не сумела навести „порядок“. Крестьяне, вопреки письменным приказам уездного начальника, вопреки его запрещению начали молотить хлеб. И, когда царский чиновник на гумне хотел взыскать мулька, то крестьяне „с дубинами в руках вышли на гумно и стали препятствовать взысканию мулька“ (стр. 180). По приказанию уездного начальника для подавления выступления крестьян были посланы казаки и всадники, „но и это средство несколько не помогло в усмирении жителей, которые опять вышли на гумно в числе 200 человек с дубинами и палками в руках, обидели переводчика Авнатомова, толкнули его, разорвали рукав его сюртука, бросили мерку в сторону и оказав явное сопротивление, прогнали казаков и всадников“ (там же).

Реформа 14 мая 1870 г. фактически означала обезземеление крестьян в пользу феодалов, помещиков. Поэтому крестьяне организованно выступали против помещиков и стремились приостановить действия мировых посредников, защищавших интересы помещиков. Исполняющий должность мирового посредника Эчмиадзинского отдела 7 декабря 1873 г. составил протокол, где описывает выступление крестьян, не желавших признать уставные грамоты. Крестьяне отказались также платить подати мулькадару. „Отказав наотрез, они решительно объявили, что ни земли, ни дохода с нее не дадут, хотя бы посредник и долго жил в деревне. „пусть он пишет, мы ничего не боимся“ (стр. 199).

В 1874 г., после составления уставной грамоты, крестьяне деревни Ариндж, Эриванского уезда, отказались платить мулька своему помещику. Тогда мировой посредник написал приказ старшине этой деревни:

„Предписываю вам немедленно по получении сего приказа предложить жителям дер. Ариндж, чтобы они мулька с зерновых произведений, енджу доставили бы в г. Эривань своим мулькадарам, так как они по уставной грамоте обязаны доставить, а в противном случае они подвергнутся взысканию за убытки“ (док. № 158).

Иногда возмущение и недовольство крестьян выливалось в общее выступление против царских властей и помещиков-угнетателей.

Мировой посредник Эриванского мирового отдела майор Мелик-Агамалов хотел насильно собрать подати от крестьян деревни Птгни в пользу помещиков. „Но поселяне, подняв *общий бунт во главе зачинщиков* Рустама Аветова, Мелика Крикорова, Погоса Абрамова и Амбарцума Авакова и заявив, что они не признают никакого учреждения и властей, оказали этим явное неуважение, делали угрозы не допускать никого к скирдам енджи, сказали, что подожгут, пришли в ярость, произнесли разные неприличные и оскорбительные слова...“ (док. № 234).

Когда чиновник Тер-Маруков с казаками насильно стал отбирать скирды крестьян дер. Птгни для передачи помещику Рустаму Капрелову, „все поселяне и их жены и дети начали бросать на них камни, бить дубинами...“ (стр. 281).

При наделении крестьян землей помещики забирали лучшие участки и отдавали крестьянам лишь самые негодные к посевам участки. Крестьяне дер. Елгован в письме от 28 марта 1885 г. на имя эриванского губернатора жалуются на безземелье и пишут, что земля их состоит из трех ахчей и большей частью непригодной к обработке, т. е. негодной для посевов. Далее они пишут: „и так как общество наше состоит из 38 дымов, то таковая земля нашей деревни, состоящая из трех ахчей, недостает даже и половины законной пропорции земли на каждый дым, но между тем мульткадары деревни Елгован Капрель Кегамов, Рушан Агаджанов и Вартан Егиазаров прирезавают от нас одну ахчу земли и то удобную, чем вводят нас в крайнюю нищету и бедность и мы будем лишены возможности к существованию...“ (док. № 316).

Все растущая нужда заставляла бедняков продавать свои наделы кулакам за ничтожную цену. Вот что пишут поверенные 19 семейств бедных крестьян дер. Юва эриванскому губернатору в своей жалобе от 27 октября 1890 г.: „Мы своими землями пользовались до 1879—188 гг., но в этих годах по случаю дороговизны мы наши земли частным порядком уступили зажиточным поселянам сел. Юва по ничтожным ценам и некоторым из них выдали бумаги в 5—6 раз более полученных денег, и с этого времени по сие время зажиточные поселяне Юва пользуются нашими землями, а мы бросили деревню и переселились жить по разным деревням Эриванского уезда для добывания пропитания. Эти зажиточные поселяне пользуются нашими землями и повинности требуют от нас...“ (док. № 342).

Крестьяне пишут: „цель введения крестьянского положения 14 16 мая 1870 г. в Эриванской губернии была в том, чтоб устроить быт поселян, между тем... мы совсем разорились и впали в крайнюю нищету...“ (там же).

Очень часто беки просто захватывали земли крестьян. Крестьяне-азербайджанцы из д. Каладиби в своей жалобе от 12 марта 1896 г. пишут, что „Куламам бек Ахмед бек-оглы и Кербалай Алибек-оглы, поселившись в нашем селении, захватили из собственно принадлежащих нам земель самые лучшие пять халваров земли и пользуются таковыми, не платя за оные ни в казну, ни нам ничего, отговариваясь, что они происходят из привилегированного сословия“ (док. № 337). Кроме того, эти беки захватили и „всю воду для поливки своих земель“ (там же), оставив крестьян без воды.

Вследствие этих захватов крестьяне дер. Кизил-Булаг, Новобаязетского уезда, „пришли к крайнему разорению.“ 2 марта 1900 г. они сообщают: „Агалар дер. Кизил-Булаг Шихали бек стал самовольно пользоваться поливной водою нашего селения и ежегодно прекращает воду, поливая свои земли, а наши наделные земли остаются без орошения, вследствие чего засыхают общественные наши посевы, отчего общество наше терпит большие убытки...“ (док. № 350).

Таким образом, многочисленные документы, помещенные в рецензируемом сборнике, со всей убедительностью показывают картину феодально-крепостнических отношений в Армении, свидетельствуют о жестокой эксплуатации крестьян местными помещиками, пользовавшимися неограниченной поддержкой царской администрации, и рассказывают о многообразных формах классовой борьбы.

Из вступительной статьи проф. Рштуни „Основные моменты крестьянского движения в Армении в XIX веке“ следует будто крепостного состояния среди переселенцев армяня вовсе не было, а „среди, так сказать, коренного населения Армении количество феодально-зависимого крестьянства было не особенно многочисленно“ (стр. 8). В Армении,—указывает проф. Рштуни,—замечалось „слабое развитие крепостной зависимости крестьян“ (стр. 11 и др.).

Возникает законный вопрос, как же могли исчезнуть феодально-крепостнические отношения в Армении, существовавшие здесь в течение многих веков?

Могли ли нашествия и захватническая политика Турции и Ирана искоренить феодально-крепостнические отношения в Армении? Наоборот, документальные данные показывают, что при турецко-иранском гнете феодально-патриархальный быт еще больше укрепился. Многочисленные талаги и фирманы, разные пожалования, выданные местным владельцам со стороны иранского шаха и турецкого султана, ставили задачу усилить феодально-крепостнические отношения и ужасающий гнет над трудящимися крестьянскими массами.

Документы, помещенные в рецензируемом сборнике, показывают как жестоко страдали армянские крестьянские массы под гнетом царизма и армянских эксплуататоров, как упорно они боролись против своих угнетателей. Но при всей тяжести самодержавно-колониального гнета и помещичьей кабалы армянские народные массы никогда не отождествляли царскую Россию с русским народом, не сомневались в положительном значении присоединения своей родины к России.

И действительно, присоединение Армении к России явилось крупнейшим событием в жизни армянского народа. В силу этого исторического акта армянский народ был спасен от физического уничтожения. Связав свою судьбу с более передовой Россией, с судьбой великого русского народа, истерзанная, угнетенная, обнищавшая Армения стала на новый путь экономического и культурного развития. Передовая армянская культура получила возможность испытать на себе благотворное влияние великой культуры русского народа и достигнуть значительного развития. С присоединением Восточной Армении к России трудящиеся массы Армении получили возможность совместно с русским народом и другими народами России вести успешную и победоносную борьбу против царского деспотизма, против помещичьего гнета, против капиталистической эксплуатации.

Нам кажется, что в своей вступительной статье проф. Рштуни должен был более обстоятельно осветить вопрос о присоединении Восточной Армении к России и резче отнестись к прогрессивное значение этого исторического события.

Проф. Рштуни определяет отдельные этапы крестьянского движения в связи с социально-экономической жизнью страны. Первый этап крестьянского движения возник „на почве податного гнета царизма,—пишет проф. Рштуни,—а его дальнейшее развитие было обусловлено усилением крепостнической политики царизма в 40-х гг. и подготовкой крестьянской реформы в 50-х и 60-х гг. в России и Закавказье. В 70-х и 80-х гг. крестьянское движение направлялось против проведения и последствий крестьянской реформы. С 80-х же и особенно 90-х гг. в этом движении, в связи с развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве, все более и более заметно проявляется новая черта: борьба теперь направляется не только против колониального гнета царизма и феодально-крепостнической эксплуатации помещиков, но и против усилившейся капиталистической эксплуатации со стороны сельской буржуазии“ (стр. 13).

Проф. Рштуни в основном правильно определяет этап развития крестьянского движения. Отдельные мероприятия царизма (мероприятия 40-х годов, реформа 1870 г. и др.) несомненно явились причиной усиления крестьянского движения, но следовало отметить то, что сами эти мероприятия царизм вынужден был проводить отчасти под давлением все растущего крестьянского движения.

Проф. Рштуни показывает нарастающий характер борьбы крестьян: подача жалоб и прошений, уход крестьян с помещичьей земли, отказ крестьян от выполнения феодальных повинностей и податей, и, наконец, массовое выступление крестьян против феодалов и царских властей.

Крестьянская масса Армении всегда боролась против своих угнетателей, она боролась за свободу и за землю. „Когда было крепостное право,—писал В. И. Ленин,—вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но

крестьяне все же боролись, как умели и как могли» (В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 384, «К деревенской бедноте»).

Опубликованные документы показывают, что крестьянство Армении, как до проведения крестьянской реформы 1870 г. в Армении, так и после нее, продолжало оставаться в униженном, кабальном положении. В. И. Ленин указывал, что после крестьянской реформы крестьяне «остались без прав, остались низшим, податным, черным сословием, остались в когтях у крепостной кабалы. И крестьяне продолжают волноваться, продолжают искать полной, настоящей воли» (там же).

Таким образом, собранное большое количество архивных материалов проливает свет на историю борьбы крестьянских масс Армении против помещичьего и царского гнета в XIX в. Но борьба крестьян не могла увенчаться успехом, поскольку тогда еще не созрела та сила, которая должна была освободить трудящихся от гнета и порабощения. И. В. Сталин пишет: «Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели» (Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г., Соч., т. 13, стр. 112—113).

В работе нашли место отдельные опечатки и неточности. Так, например, отдельные термины и названия часто пишутся по-разному, без соответствующих уточнений и оговорок (см. стр. 23—«Гокча» по ошибке написана «Гокчай». То же самое на стр. 25, 26, 27, 32 и др.). Однако эти незначительные недочеты не могут умалить значение рецензируемого сборника.

Начатую проф. Рштуни работу надо продолжать. Издание сборников документов по истории крестьянского движения значительно облегчит разработку истории армянского народа в XIX—XX вв. в целом и истории армянского крестьянства в особенности.